

Как мы будем жить – тогда?

Уильям
МОРРИС

То, о чем я хочу сегодня с вами поговорить¹, нередко можно услышать в обсуждениях среди социалистов, будь то в компании с их оппонентами или без – и вместе с тем внутри самих социалистов этот предмет не должен вызывать разногласий².

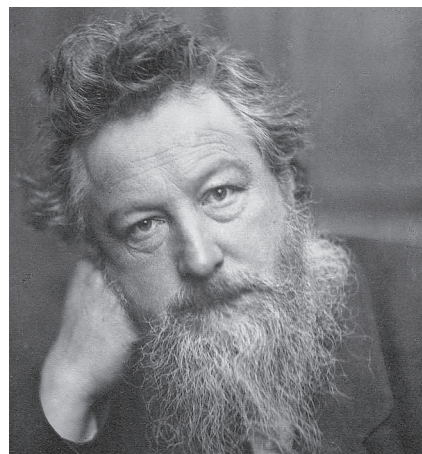
Я хочу изложить вам свое личное представление о Земле Обетованной социализма – и надеюсь услышать, как ее представляют себе некоторые из вас. Не думаю, что час или полтора, проведенные таким образом, будут потрачены впустую – конечно, если мы в меру своих сил, честно и ясно расскажем друг другу о собственных идеалах – если они у нас есть или, что тоже возможно, признаемся в их отсутствии.

В настоящий момент мы участвуем в общем деле³ – в борьбе за уничтожение индивидуального владения, оно же монополия на средства производства. Когда мы достигнем цели, переход этого рубежа должен вызвать лавину таких грандиозных и необратимых перемен в обществе, что любой, у кого есть хоть крупица воображения, не может уже сейчас не задуматься: *а как мы будем жить тогда?*

Давайте же проговорим эти размышления, надежды и страхи. Так мы дадим друзьям и товарищам глубже понять наш характер и темперамент, узнаем друг друга лучше – чтобы сгладить углы, сэкономить время, да и просто стать немного ближе.

Иногда полезно выйти из-за живой изгороди партийных формул и показать друг другу свои настоящие желания и чаяния – осуществить своего рода прививку от доктринерства⁴, угрожающего интеллектуальной стороне социалистического движения, и от политических машин⁵, к которым опасно клонятся его практика и повседневность.

Возможно, кто-то из вас уже догадался, что в таких условиях мой доклад неизбежно приобретет личный характер и бу-

Уильям Моррис (1834–1896) – английский художник, писатель и поэт.

- 1 Эту лекцию Моррис прочел не менее пяти раз начиная с 1 марта 1889 года, что свидетельствует об определенном успехе у публики. Рукопись текста была впервые опубликована только в 1971-м (в сети также есть альтернативная версия с незначительными пометками и исправлениями Морриса). Настоящий перевод осуществлен по: MORRIS W. *William Morris on Socialism. Uncollected Essays*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2023.
- 2 В предисловии к публикации 1971 года отмечается, что структура эссе обусловлена особенностями первой аудитории Морриса – лондонского Фабианского общества. С его членами – «социалистами-постепеновцами» – у Морриса были разногласия по поводу тактики и целей.
- 3 Букв. «в общем приключении». Здесь и далее все примечания, кроме специально указанных, переводчика.
- 4 Букв. «от педантизма».
- 5 *Machine politics* – специфический для американской политики XIX–XX веков способ привлечения и концентрации голосов городской бедноты (и некоторых этнических групп) в руках той или иной политической партии. Для таких «машин» были характерны коррупция, а организованы они нередко были по мафиозному принципу, см. общество «Таммани-холл» (1789–1967).

дет немного эгоистичен. Я не стану за это извиняться – но попытаюсь объясниться. У меня за плечами около 55 лет⁶ – я не скажу «жизни в мире», но скорее жизни внутри себя. И с высоты этого опыта я могу сказать, что не совсем уверен в существовании *индивидуального* человека вообще.

Я обнаружил, что под моей родной кожей, образно говоря, обитают дюжина разных личностей, которые – несмотря на давний союз – время от времени удивляют друг друга самыми странными и необъяснимыми выходками: то глубокой мудростью, то безмерной глупостью, то небесной возвышенностью, то откровенной низостью.

Хотя, возможно, это сложносоставное животное, которое сейчас имеет удовольствие выступать перед вами, и не похоже ни на что на свете – хотя с этим я поспорил бы, – те, кто скрыты под моей кожей и составляют мою сложность, скорее всего лишь типы, аналоги множества других людей в мире, вероятно, некоторых из них я даже прямо сейчас вижу в этой комнате.

Мы участвуем в общем деле – в борьбе за уничтожение индивидуального владения, оно же монополия на средства производства. Переход этого рубежа должен вызвать лавину таких грандиозных и необратимых перемен в обществе, что любой, у кого есть хоть крупинка воображения, не может уже сейчас не задуматься: а как мы будем жить тогда?

Поэтому, когда я говорю вам о своих личных надеждах и желаниях по поводу будущего, – этот голос мой, но сами надежды и желания, смею надеяться, не только мои. И, если вы действительно настолько практичные люди, какими я вас считаю, вы не можете себе позволить их игнорировать.

Итак, я спрошу: что побуждает человека примкнуть к социалистам именно на этом этапе движения? Я, конечно, хочу на самом деле спросить: что делает человека *настоящим* социалистом? Не думаю, что надежда на личную выгоду, – такие ожидания слишком фантастичны для любого, кто достаточно разумен, чтобы донести вилку до рта. Даже самые оптимистичные из нас понимают: прежде, чем будет нанесен хоть один серьезный удар по монополистам, нам предстоит столкнуться с множеством трудностей – и неприятности неизбежно будут

6 Моррису исполнилось 55 через три недели после этой речи.

нашей наградой за дерзость надеяться, что общество можно изменить к лучшему.

УИЛЬЯМ МОРРИС

КАК МЫ БУДЕМ
ЖИТЬ – ТОГДА?

Может быть, кого-то приводит к социализму интеллектуальная убежденность, рожденная в результате изучения философии, политики или азов экономики? Да, наверное, есть многие, кто уверен: именно так они и стали социалистами. Но если эти люди задумаются, то обнаружат: это был лишь второй этап.

А первый? Первый – всегда наблюдение: в мире полно страдания, которое вполне можно было бы устранить. Именно это, как мне кажется, впервые и привлекает человека к социалистам – независимо от того, чувствует ли он страдание на собственной шкуре и осознает ли несправедливость, совершенную по отношению лично к нему обществом, – еще раз подчеркну, что несправедливость не случайную, а как результат вполне определенных процессов, которые можно исправить. А может быть, он сам – неосознанно – один из тех, кто творит эту несправедливость, но при этом имеет в себе простое, добронравное желание, присущее всякому, кто не законченный мерзавец: желание видеть, как другие люди становятся – насколько это возможно – счастливыми.

Не то чтобы та компания⁷, которую я называю «Я», тут чем-то особенно отличалась. С тех самых пор, как я впервые – насколько себя помню – начал размышлять⁸ (какового занятия, как известно, здоровая и счастливая молодежь избегает), – мне регулярно приходила одна и та же мысль: большинство людей плохо едят, плохо одеваются, плохо живут, перерабатывают и, как следствие, становятся злыми и неприятными.

Подобные размышления меня расстраивали, обескураживали, отбивали вкус и к развлечениям, и к труду (между тем и другим, признаться, разницы было немного). Конечно, я пытался как мог от них отмахнуться, тем не менее чувствуя себя малодушным. Я никогда не был настолько глуп, чтобы не осознавать: «униженные фигуры», вставшие между мной и моими радостями, не сами себя унизили – а значит, существует причина такого положения дел, с которой человек, сильный и честный, мог бы и должен был бороться.

Во всем этом, на мой взгляд, не было ничего особенного: просто во мне начал пускаться ростки естественный протест против несправедливости общества, что, несомненно, происходит также внутри многих других людей моего положения и происхождения.

Особенным – до некоторой степени – было то, что случилось со мной впоследствии. Я был по-своему честен – но уж точно

⁷ В оригинале Моррис играет с буквальным значением слова *corporation* как «объединения тел», *corpora*.

⁸ В редакторском предисловии к «William Morris on Socialism» отмечается, что это едва ли не единственный раз, когда Моррис публично вспоминал о собственных чувствах в молодости.

не был силен. Один из тех, кто живет в моей коже, исключительный миролюбец, а другой – самый большой лентяй, каких можно себе представить. Полагаю, в этом я тоже не оригинален. Вполне вероятно, что начавшее крепнуть во мне чувство несправедливости со временем утихло бы – я постарел бы и отрастил настолько толстую кожу, чтоб выносить его без труда. Но со мною произошло кое-что, не позволившее утихнуть этому чувству

Хотя, как я уже сказал выше, моя работа⁹ всегда была для меня в то же время и развлечением¹⁰, я, разумеется, относился к ней со всей серьезностью. Я даже предположил бы, что некоторых из вас могло бы удивить, если бы вы ощутили, какое наслаждение она мне приносила. Но, в конце концов, эта же работа принесла мне и столь же острую боль. Я взялся тогда за масштабное дело – ни больше и ни меньше, чем возрождение народного искусства, как мы тогда это называли. Долгое время я не до конца осознавал, насколько велика эта задача, хотя вполне ясно понимал, насколько глубоко деградировало искусство вообще.

В один прекрасный момент я понял: те самые тягостные мысли о бедственном положении большинства людей глубоко связаны с самой сутью работы. И далее: что я взялся за предприятие, которое невозможно осуществить при нынешних условиях жизни. Конечно, к такому выводу я пришел не сразу, а наоборот, долго и отчаянно пытался извернуться и избежать этой истины – пока меня в буквальном смысле не прижало к стенке.

Теперь для меня померкла почти полностью радость от моего занятия – и это было в высшей степени серьезно, ведь я всей душой любил то, что делаю. Не могу сейчас вспомнить, узнал ли я именно тогда о социализме как о конкретном политическом движении, но я точно помню, что мои взгляды сформировались благодаря чтению трудов¹¹ Джона Рёскина. Можно сказать, что я использовал его взгляды как оптику, применив их как к своему ремеслу, так и к тому самому нарастающему

9 Моррис имеет в виду свою деятельность в качестве руководителя «Morris & Co.», основанной им совместно с несколькими прерафаэлитами в 1861 году, как сказали бы сейчас, дизайн-студии. В 1875-м Моррис стал единоличным владельцем компании – спроектированные им дизайны интерьера, от обоев до мебели, во многом определили знакомый нам сегодня облик викторианских домов. Практически в это же время, с 1876 года, политические взгляды Морриса начинают все больше двигаться в сторону социализма.

10 Моррис использует слово *amusement*, а не *entertainment*. В викторианскую эпоху у него, по-видимому, был более широкий спектр значений, чем сейчас, нечто среднее между «забавляет» и «впечатляет», как в приписываемой самой королеве Виктории фразе «We are not amused».

11 По-видимому, речь прежде всего о книге «Камни Венеции» («The Stones of Venice», 1853). Социализм Рёскин более подробно обсуждает в поздних работах вроде «Unto This Last» (1860) и «Fors Clavigera» (1871), причем по версии их автора распределением при социализме будут управлять некие патерналистские «хозяева».

чувству внутренней несправедливости. Возможно, он сам не ожидал такого развития своих взглядов¹².

УИЛЬЯМ МОРРИС

КАК МЫ БУДЕМ
ЖИТЬ – ТОГДА?

Итог был таков: я оказался вполне готов к социализму, когда он предстал передо мной как политическая партия с ясной целью – революционным преобразованием общества. Я находился на тот момент в состоянии – несомненно, знакомом многим из вас – глубокого недовольства всем укладом современной жизни, я чувствовал, что цивилизованный мир смертельно болен. Если б я тогда не нашел отдушину, то, вероятно, впал бы в состояние безысходного пессимизма – чем для многих подобные размышления и заканчиваются.

Эту отдушину, как вы знаете, я нашел – и так уберегся от скоропалительных выводов вроде того, что искусство, которому я себя посвящал, лишь пустая забава и занимаюсь я ею лишь потому, что не умею зарабатывать на жизнь чем-то другим, да и вообще в любой ситуации лучше всего заниматься чем-то тебе приятным. Мой социализм, таким образом, начался там, где у многих он, наоборот, заканчивается: с неутолимого желания достичь полного равенства возможностей для всех людей, ибо я увидел тогда и все еще вижу сейчас: без этого равенства – независимо от дальнейшего прогресса для человечества – его отказ от искусства и литературы воображения¹³. Для моей собственной натуры именно это и будет подлинной, второй смертью¹⁴ человечества.

Разумеется, вслед за стремлением к равенству ко мне пришло понимание, что частную собственность необходимо отменить. Так я стал коммунистом еще до того, как вообще узнал что-либо об истории социализма или его ближайших целях. Дальше мне пришлось читать решительно неприятные книги, заниматься делами, к которым я считал себя совершенно неспособным, влезать в дурацкие ситуации и ссориться, как школьнику, с людьми, которых я до этого уважал, – чтобы сформироваться как социалист-практик (уверен, некоторые из вас считают, что я все еще не заслужил этого звания).

Впрочем, все это уже не имело большого значения, ибо я вновь обрел надежду, связанную с моей работой, и смог вновь получить от нее удовольствие, причем большее, чем когда-либо прежде, печали мои ушли – словом, я родился заново.

12 Хотя между консервативным Рёскиным и все больше радикализировавшимся Моррисом действительно были разногласия на этой почве, их личные отношения, начавшиеся еще в 1860-е, оставались теплыми. В 1883 году Моррис прочел лекцию о социализме в зале Университетского колледжа Оксфорда, и находившийся в зале Рёскин поднялся, чтобы сказать речь, в которой назвал Морриса «великим мыслителем и деятелем, человеком, одновременно поэтом, художником и рабочим, а также своим старым и дорогим другом» (цит. по: EAGLES S. *The Cambridge Companion to William Morris*. Cambridge: Cambridge University Press, 2024. P. 259–270).

13 Использованный здесь Моррисом термин *imaginative literature* сегодня примерно соответствует «художественной литературе».

14 «И смерть и ад повержены в озеро огненное. Это смерть вторая. И кто не был записан в книге жизни, тот был брошен в озеро огненное» (Откровение 20:14–15. Синодальный перевод).

Повторюсь: я не стал бы всего этого говорить, если б не знал, что со мной произошло то, что происходит и с другими людьми – пусть и немного иначе. Мы (да, теперь я осмелюсь сказать «мы») живы – и мы не пессимисты. Вместе с тем, да, мы глубоко недовольны текущим положением дел – кроме, пожалуй, самых простых составляющих жизни и кроме той надежды на будущее, которая так или иначе засела у нас в голове.

Мы живы – и способны получать самое интенсивное удовольствие от тех основ жизни, которые варвар имеет в полном объеме, но которых цивилизация нас во многом лишила. Чувственные удовольствия жизни, как это порой определяют, или, если угодно, невинные чувственные удовольствия. К примеру, у нас в голове есть глаза, и через них мы можем впитывать впечатления, в то время как цивилизация велит нам засунуть очи в карман – и ее в основном слушаются.

Мой социализм начался там, где у многих он, наоборот, заканчивается: с неутолимого желания достичь полного равенства возможностей для всех людей, ибо я увидел: без этого равенства – независимо от дальнейшего прогресса для человечества – его отказ от искусства и литературы воображения.

В этом, конечно, есть свой резон: цивилизация – неопрятная шлюха¹⁵ и везде, где только может, старается сделать так, чтобы нам просто *не на что* было приятно смотреть. Так что нам остается, подобно моему другу [Бернарду] Шоу¹⁶, благодарить ее хотя бы за клубы пара, поднимающиеся из паровозной трубы¹⁷, – по крайней мере если они не смешаны с дымом от угля, который, строго говоря, Компания¹⁸ не имеет права сжигать, что не мешает ей продолжать это делать.

И все же именно из [наших] впечатлений мы извлекаем как удовольствие, так и боль; но боли в них так много, что в итоге они лишь наращивают наше недовольство: ведь практически все, что мы видим, всегда несет на себе след той самой болезни [несправедливости общества] – и мы жаждем и желаем исправить положение дел. Мы не в силах просто рассматри-

¹⁵ В оригинале – *foul slut*.

¹⁶ Дружба Бернарда Шоу с Моррисом продлилась двенадцать лет до самой смерти последнего. Шоу опубликовал некролог другу – под заголовком, что характерно, «Уильям Моррис как социалист» (www.marxists.org/archive/morris/obits/shaw.htm).

¹⁷ Возможно, референс к эпизоду из романа Шоу «Несоциальный социалист» (1887).

¹⁸ Вероятно, имеется в виду «Robert Stephenson and Company» – первая в мире компания по производству локомотивов, существовавшая с 1823-го по 1937 годы.

вать мир как картину импрессиониста или довольствоваться какой-нибудь руиной живописности¹⁹, которая на деле есть лишь внешняя оболочка, под которой таятся скука и голод.

И все же именно здесь снова вспыхивает наша надежда: ибо, хотя в настоящем времени мы живем лишь на те крохи, что можем подобрать среди всеобщей разрухи и разорения, в будущем мы живем щедро. И одна из сторон удовольствия [которое мы испытываем] от сегодняшней обыденной жизни – от жизни телесной, я имею в виду, от движения в поле, на воде, в небе и подобного – в том, что мы видим в этих явлениях строительные элементы, из которых будет возведена жизнь будущего куда в большей степени, чем из сегодняшних теорий, литературы, так называемого искусства и так называемой науки.

Обобщим так: в нашей надежде столь много щедрости, что [мы верим] – все то, что сегодня видится как черты болезни цивилизации, исчезнет в свете нашей вновь возвращенной свободы. То, к чему мы стремимся – то, ради чего мы хотим использовать инструмент перехода (который некоторые и называют социализмом), – не просто исправить общество, которое существует, но построить *новое* общество, где мы будем почитать то, что прежде сжигали, и сжигать то, что прежде почитали.

Как же мы будем жить – тогда? К какой бы системе производства и обмена в итоге мы ни пришли, насколько справедливыми бы ни сделали отношения между людьми, счастья мы не найдем, пока не станем жить, как добрые животные, радуясь самым обычным проявлениям жизни – еде, сну, любви, ходьбе, бегу, плаванию, верховой езде, парусному спорту. Мы должны свободно наслаждаться всеми этими телесными упражнениями – без стыда и без фантазий, что наши умственные способности настолько уж божественны и уникальны, что мы якобы выше таких «банальных» вещей.

И я скажу – вопреки естественному отвращению, которое вызывает у нас физический труд в нынешних условиях²⁰, – что мы должны быть достаточно сильны и здоровы, чтобы труд доставлял нам радость, радость от доброй, крепкой схватки с силами природы, схватки, в которой мы может ощутить нашу силу. Я, к примеру, искренне надеюсь, что в будущем мы не окажемся настолько одержимы производством пищи, чтобы отказывать себе в удовольствии вручную убирать урожай или самим растить зелень²¹ на огороде, разумеется, с должными

УИЛЬЯМ МОРРИС

КАК МЫ БУДЕМ
ЖИТЬ – ТОГДА?

¹⁹ В оригинале – *some ruinous piece of picturesque*.

²⁰ В данном случае Моррис имеет в виду тяжелый фабричный труд на «темных мельницах сатаны», как в начале XIX века Уильям Блейк назвал разрастающийся индустриальный сектор Британии и конкретно первую паровую мельницу «Альбион» в лондонском Саутуарке.

²¹ Слово *potherbs*, как ни странно, не имеет устоявшегося русского перевода – примерно соответствует кулинарным травам и пряностям.

знаниями и навыками. (Надеюсь также, что нам не придется – как это происходит ныне – укорачивать себе жизнь, играя значительную ее часть в роли посылок, пересылаемых из пункта в пункт. Я настаиваю, что перемещение *по поверхности* земли вовсе не обязано быть тратой времени – если, конечно, вы не едете, как посылка, и особенно если вам посчастливилось иметь способность ни о чем не думать в дороге. Хотя признаюсь, даже когда меня все-таки отправляют, как сверток, я стараюсь хотя бы периодически выглядывать из упаковки).

Все это [вышесказанное], разумеется, потребует пересмотра взглядов на образование. Подготовка к жизни на новых основаниях не может быть такой же, как и при старых. Да, возможно, умения, касающиеся телесной стороны жизни, приобрести будет несложно. Но все же, насколько мне известно, везде и всегда (кроме, может быть, [привычных с детства обитателям] островов южных морей и пампасов), чтобы приобрести способность плавать и ездить верхом, этому нужно сначала учиться. И я слабо себе представляю юношу, умеющего копать, пахать, жать и сеять, который этому не учился.

Вместе с тем такая учеба, разумеется, происходила бы не как в ремесленном училище²², а так, как подмастерья учатся у мастера²³, которому не все равно. Я также думаю, что большинству людей было бы интересно освоить два–три простых ремесла, даже если они не собираются делать их своей основной профессией: речь про кузнечное дело, плотничество (не столярничество), работу каменщика или кирпичника. Для этого потребуется определенное длительное обучение. В то же время разнообразные «мелкие искусства» – вроде готовки и шитья – дети легко могут усвоить в самом раннем возрасте, и для них это станет всего лишь привычкой, приобретаемой без усилий.

Чтобы такое [новое] образование окрепло и встало на ноги, нам следует развернуть масштабную сферу деятельности на открытом воздухе, что и необходимо, и полезно для сильных и здоровых людей и будет доставлять удовольствие само по себе при правильном выполнении. Часть таких практик можно выполнять индивидуально, но большая их часть требует коллективных усилий. Те же элементы [упражнений], в которых невозможно быстро достичь мастерства, должны войти в привычку к регулярному выполнению. Добавим ко всему этому то, что я ради краткости назову домашними занятиями, и мы получим (важнейшее дополнение) то, что мы зовем искусс-

22 *Vocational school* сегодня в России соответствует среднему профессиональному образованию (ПТУ, техникум, колледж).

23 В этом пассаже Моррис осуществляет не привычное противопоставление теории практике, но разделяет два типа практики – массово-безличную и более интерперсональную, которая отсылает к опыту мастеровских исторических живописцев. Из той же оптики, по-видимому, дальше в абзаце проводится и черта между плотниками и столярами.

вом. Сюда мы включаем не только пластическое и декоративное [искусства], но и литературу: как практическую²⁴, так и литературу воображения, а также процесс поиска знания ради него самого. Полагаю, описанные практики дадут нам почти весь спектр занятий, *необходимых* для счастливого сообщества. И, ей-богу, я не вижу никакого смысла в том, чтобы грузить себя занятиями, которые нам *не нужны*.

Позвольте мне попробовать немного более систематично сгруппировать те виды деятельности, о которых я уже сказал, и добавить к ним некоторые, возможно, не столь очевидные.

Первое. Искусства на открытом воздухе. Сразу объясню, почему предпочитаю называть эти виды деятельности «искусствами»: по моему убеждению, всякий труд, который человек совершает, должным образом проявляя свои способности и получая от этого удовольствие, является искусством. [Сюда мы отнесем, например,] сельское хозяйство и родственные ему искусства – садоводство, рыболовство, забой и разделка скота, управление кораблями и лодками. Вождение повозок, поездов, omnibusов и тому подобное (тут происходит пересечение с искусством распределения). Привычки к плаванию, спортивной ходьбе, бегу и верховой езде естественным образом будут вплетены в этот список, как и навык знать обычаи и повадки животных. И вот – при том, как мы будем жить тогда, – я утверждаю: всякий, кто не испытывает живого интереса ни к одной из этих сфер деятельности и неспособен участвовать в них, должен будет рассматриваться как больной, как что-то меньше, чем человек, как обуза для общества. Если таких людей будет много, это неизбежно породит класс рабов – тех, кто будет делать самую грубую работу в мире²⁵.

Второе. Домашние искусства. Организация жилища во всех аспектах: закупка продуктов, уборка, готовка, выпечка и прочее. Шитье – с его неизбежным сопровождением в виде вышивки и тому подобного. И снова подчеркну: если человек неспособен участвовать или вообще заинтересоваться никаким из этих занятий, он болен, и, если таких людей будет много, это неизбежно повлечет за собой подчинение слабого пола – женщин – и их повторное закрепощение.

Третье. Строительные искусства. Каменщики, кирпичники, кузнецы, плотники и так далее – включая проектировщиков зданий, инженеров и прочих. Здесь находит себе место то, что мы чаще всего и называем *искусством*, – то есть декорация,

УИЛЬЯМ МОРРИС

КАК МЫ БУДЕМ
ЖИТЬ – ТОГДА?

²⁴ Здесь не вполне ясно, что Моррис имеет в виду под *measured literature*. Исходя из противопоставления *imaginative literature* (см. сн. 13) можно предположить, что речь идет про *non-fiction* или более-менее формально определенные литературные жанры.

²⁵ Это предложение отсутствует в онлайн-версиях текста лекции и есть только в версии, опубликованной в 1971 году.

которая воздействует на разум через зрение. Так как [такая декорация] – неотъемлемая часть названных мною профессий, возможности для мастерства здесь особенно высоки, и принимать участие в работах такого типа будут только обладатели творческого дарования – а я полагаю, что у большинства свободных людей оно имеется. Однако, конечно, будут и те, у кого способности к этим искусствам отсутствуют или слабо развиты. Они предпочтут более грубые занятия, перечисленные ранее, но, поскольку их труд будет и необходим, и приятен, они не нанесут никому вреда и не будут больны. Очевидно и то, что эти [строительные] искусства в наивысшей степени требуют кооперации: труд одного человека не может быть по-настоящему отделен от общего дела.

Четвертое. Мастерские искусства. Ткачество, гончарное, красильное и печатное дело (в том числе текстиль и книги) и прочее. Во многих из этих занятий также присутствует искусство в прямом смысле слова, и о них в целом можно сказать все то же самое, что и о предыдущей группе. Там, где искусство не может быть органической частью труда, но сам этот труд все же необходим, он должен будет выполняться машинами, так механизированно, как возможно. Однако я считаю само собой разумеющимся, что люди, обслуживающие эти машины, также будут заняты и другими, более приятными и ответственными делами. А все монотонное и бессмысленное, от чего можно отказаться, нам следует немедленно устранить.

Пятое. Неприятные искусства. Предположим – хотя я не уверен, что это необходимо, – что [в новом обществе] будут существовать неизбежно неприятные виды деятельности. Я разделяю их на: (а) однозначно неприятные, (б) относительно неприятные. К первым отнесем такие занятия, как шахтерство, выделка шкур, работа мусорщика и тому подобное. Ко вторым – ну, скажем, бумажную работу в ее наименее увлекательной форме, то есть бюрократию, канцелярщину, административную тягомотину. Для обеих этих групп я посоветую следующее: заменить работников машинами там, где возможно, а где нет, у этих трудящихся должна быть обязательно и другая занятость. Но прежде необходимо строго расследовать, действительно ли нам необходимы те или иные виды неприятного труда. Если нет, мы их упраздняем.

Шестое. Искусства распределения. Перевозка товаров, торговля, организация рынков – и тому подобное. Я полагаю, что найдутся те, кому такая работа по душе, и пусть тогда делают ее хорошо. Но мне кажется, даже они [со временем] придут к выводу, что копанье и жатва, а возможно, и выделка кожи – более успокаивающие занятия. В таком случае они должны будут непременно иметь к ним доступ как к форме отдыха.

Седьмое. Изящные и интеллектуальные искусства. Живопись, скульптура, малые (воспроизводящие) искусства – наподобие гравюры. А также литература воображения, изучение истории и природы. На некоторых из этих занятий, где требуется изрядный ручной труд, можно будет сосредоточиться полностью. На остальных – нет. При этом даже в искусствах, требующих ручной работы, дополнительный физический труд [как альтернативная форма деятельности] необходим, если только он не будет слишком уж огрублять руки, требующие точной и тонкой моторики (в реальности каковой проблемы я лично сомневаюсь). В любом случае моя мысль такова: человек не должен полностью отдаваться только изящным искусствам. Это приведет к болезни и антисоциальным привычкам, обременит общество новым классом тунеядцев, а в долгосрочной перспективе (если остальные будут достаточно глупы [чтобы ими очароваться]) – и новым классом господ.

УИЛЬЯМ МОРРИС

КАК МЫ БУДЕМ
ЖИТЬ – ТОГДА?

К какой бы системе производства и обмена в итоге мы ни пришли, насколько справедливыми бы ни сделали отношения между людьми, счастья мы не найдем, пока не станем жить, как добрые животные, радуясь самым обычным проявлениям жизни – еде, сну, любви, ходьбе, бегу, плаванию, верховой езде, парусному спорту.

Прежде, чем я продолжу, хочу подчеркнуть: я не сомневаюсь, что в различных профессиональных отраслях потребуются определенная степень организации и руководства. Я также весьма далек от мысли, что необходимо или хотя бы желательно предписывать людям, какую профессию им следует выбрать; я лишь предполагаю, что людям должна быть предоставлена возможность делать то, что они умеют делать хорошо, и что эта работа будет добровольной (в плане отношений между людьми²⁶); [пусть] природа будет естественным стимулом, в некотором смысле единственным врагом – однако врагом, который сам просит, чтобы его победили.

Теперь, когда я изложил вам мой идеал, чем будут заняты люди в свободном обществе, остается лишь добавить свои соображения о возможности того, будет ли этот идеал рано или поздно реализован. Можно назвать это политической стороной вопроса.

26 Здесь Моррис, по-видимому, понимает, насколько идеи разделения труда в его новом обществе на первый взгляд похожи на «Государство» Платона, и подчеркнуто отвергает идею рабства и принуждения, заранее возражая тем, кто мог бы ему указать на сходство.

Децентрализация и равенство условий [для всех] – необходимые спутники того идеала труда, о котором я говорю. Но, если честно, мне все еще не вполне ясно, должны ли мы их рассматривать как причину или как следствие того состояния дел, которое этот идеал предвосхищает. Все же я думаю, что если мы примем второе [идеал труда], то первое [децентрализация и равенство] станет естественным следствием. Да, я понимаю, что трудно – а для кого-то и невозможно – представить себе в полной мере те перемены, которые последуют за упразднением великой центральной силы нашего времени – мирового рынка, каким мы его знаем, всей этой крайне изощренной и запутанной системы, выстроенной ради, вокруг и посредством охоты за прибылью.

И все же рано или поздно текущий порядок должен будет развиваться во что-то иное. Это «иное» едва ли окажется усовершенствованием²⁷ системы, как она есть. Скорее развитие станет переходом в ее противоположность – то есть в сознательный и взаимный обмен услугами между равными. Скажите, если происходящее сегодня [в политике] вообще можно разумно осмыслить, разве мы не увидим уже сейчас знаки, что перемены грядут? Республика – единая и неделимая – Франции столетней давности переживает ныне фазу буржуазного разложения²⁸. И единственная надежда Франции выйти из этого состояния – в качестве Федерации свободных коммун. И, хотя объединение Германии произошло совсем недавно²⁹, мы уже ждем одного-единственного события, а именно – поражения немецкой армии³⁰, чтобы это «единство» вновь разложилось на федерацию, но на этот раз с социалистическим прицелом. Да и у нас дома [в Англии] [необходимость] федеративного принципа в ирландском вопросе признана всеми³¹, кроме самых упрямых

27 Букв. «усовершенствованием того, что уже совершенно» – здесь тон Морриса, естественно, саркастический.

28 Моррис, вероятно, имеет в виду череду политических и экономических кризисов, которые сотрясали Францию на тот момент в президентство Сади Карно (с 1887 года). На парламентских выборах 1889 года, через полгода после этого выступления Морриса, во Франции победил левый блок Жана Казимира-Перье – впрочем, достаточно быстро мутировавший в правополитический. После убийства Карно анархистами в 1894-м Перье сам стал президентом – всего на 200 дней, во время которых был, в частности, осужден Альфред Дрейфус.

29 18 января 1871 года в результате франко-прусской войны, то есть за 18 лет до произнесения Моррисом речи.

30 На момент выступления Германия не вела никаких войн, однако надежды Морриса на ее скорый развал по «социалистическому» сценарию могли подпитываться хаосом на престоле: годом ранее, в 1888-м, умер старый кайзер, а затем, через 99 дней, внезапно скончался и его наследник Фридрих III, после чего на трон взошел 29-летний Вильгельм II, начавший свое правление с милитаристской речи.

31 Здесь Моррис выдает желаемое за действительное: билль о гомруле (то есть самоуправлении Ирландии в составе Британской империи), который продвигал лидер Либеральной партии Уильям Юарт Гладстон, был дважды отклонен парламентом – в 1886-м и 1893 годах. Закон о самоуправлении Ирландии был принят уже после смерти Морриса, в 1914 году, но не вступил в силу из-за начала Первой мировой войны. В 1916-м ирландские националисты подняли так называемое Пасхальное восстание, и после его разгрома движение за независимость только усилилось. Ирландия (за исключением Ольстера) получила фактическую независимость в результате гражданской войны согласно мирному договору 1921 года с Великобританией.

реакционеров. А сами тори – как я думаю, движимые не осознаваемой ими судьбой, – дали нам в виде советов графств³² зачатки революционного местного сопротивления центристской реакции.

Мы видим, что еще до того, как централизация [государств] полностью завершилась, уже началось движение в обратную сторону. А раз оно началось, оно будет продолжаться, пока не достигнет необходимой степени практической децентрализации. Поняв, глядя из сегодняшнего положения вещей, что такая децентрализация необходима – чтобы дать каждому право участвовать в управлении делами, – которая, как я надеюсь, заменит управление людьми [правительством], вы увидите, что я признаю возможность некоторого механического централизованного управления, скажем, железными дорогами в пределах определенного географического района, а ведь это, в сущности, будет уже не централизация, а прямое следствие федерации³³.

Я также признаю, что форма, которую в итоге примет децентрализация (или федерация), определится в ходе развития эксперимента. Какой будет единица органов управления, как будут выглядеть субъекты федерации, будут ли возможны перекрестные федерации – скажем, ремесленные гильдии или кооперативные общества, существующие наряду с географическим делением на приходы, коммуны и так далее, – все это на текущий момент предмет чистой спекуляции, а я не приношу на дар пророка.

Замечу, однако, что темперамент склоняет меня верить: мы точно сумеем избавиться от самого наглядного внешнего символа коммерческой и официальной централизации – наших гигантских городов и перенаселенных промзон.

Что касается больших центров, таких как Лондон, Париж или Берлин, то они, без сомнения, порождены отчаянной борьбой за существование, неизбежно следующей из конкуренции при монополии – и со стороны монополистов, и со стороны их рабов.

Эти города – конторы коммерции и чиновничества, логова хищников, больших и малых, что питаются глупостью и нуждами огромной массы людей, у которых не остается ни времени, ни сил, чтобы понять, чего они на самом деле хотят, и потому все – от куска хлеба до нового романа или пьесы – им всучивают насильно, как шулер подсовывает нужную карту. Эти города – потогонки, куда голод гонит нищих со всей страны, чтобы

УИЛЬЯМ МОРРИС

КАК МЫ БУДЕМ
ЖИТЬ – ТОГДА?

32 *County Councils* были созданы законом британского парламента в 1888 году, официально начали свою деятельность с 1 апреля 1889-го, ровно через месяц после речи Морриса.

33 Здесь мысль Морриса не вполне ясна: предполагает ли он создание своей дирекции железных дорог для каждого графства Англии (что будет очевидно громоздко и неудобно) или под единым географическим регионом подразумевается как раз вся Англия, но он не видит в этом проблемы (и тогда это входит в некоторое противоречие с изложенным ранее).

те могли хотя бы урвать корку хлеба и бросать кости в безнадежной игре за двадцатимиллионную долю шанса вырваться из пролетариата, пяди земли, что отделяет современное общество от вулкана, на котором оно построено. Я не отрицаю, впрочем, что эти города – также и лагеря для сбора [будущих] солдат революции, где они пытаются осуществить хоть что-то из своих надежд прежде, чем умереть.

Но, если предположить, что условия изменятся – как мы все надеемся, – зачем нам будут нужны эти чудовищные конгломераты хаоса? Никаких больше лагерей – воинствующий социализм [исполнившись] уйдет в прошлое. Никто не будет ехать в столицу, чтобы работать на износ – ведь всем будет гарантировано достойное существование. У людей появится досуг, чтобы обдумать свои желания, и возможности получить то, чего они на самом деле хотят. Паразиты, о которых я упоминал, исчезнут – ведь не станет мертвечины, которой они питаются. Интриги чиновничества отомрут, как и счетные палаты, – ведь нечего будет считать, и погоня за прибылью возвратится к своему отцу, Отцу Лжи³⁴. Не будет нужды в этой гигантской горе отбросов, в которой мы задыхаемся каждый день.

А если кто-то из вас все же склонен грустить о будущем исчезновении «суеты большого города», я скажу две вещи: во-первых, в ту пору, после монополий, когда равенство хотя бы немного приблизится, интеллигентных и вдумчивых людей станет больше – относительно населения. Сегодня все делается расточительно: чтобы получить дюжину по-настоящему образованных и тонких умов, нужно, чтобы за ними стояли тысячи пролетариев, обеспечивая для них нужную «суету». Как человек практичный, я не могу одобрить такой схемы. Во-вторых, помните, что так называемые скука и однообразие сельской жизни, на которые многие жалуются (не я), – это сейчас только обратная сторона городского гама, потому что город высасывает кровь деревни во всех отношениях. В пост-монополистические времена, надеюсь, мы перевернем этот расклад.

Что касается огромных промышленных районов, то, по моему, и они могут исчезнуть [без серьезных последствий]. Допустим, товары и правда можно производить дешевле, если максимально сконцентрировать труд и материалы. Но, когда «меч дешевизны» больше не будет нужен как [торговое] оружие против других наций, мы, я уверен, осознаем, что дешевизна бывает слишком дорогой: ад – это слишком высокая цена. И лучше уж поработать подольше, но жить в более приятном

34 «Ваш отец диавол; и вы хотите исполнять похоти отца вашего. Он был человекоубийца от начала и не устоял в истине, ибо нет в нем истины. Когда говорит он ложь, говорит свое, ибо он лжец и отец лжи» (Иоанн 8:44. Синодальный перевод).

месте. Разумеется, все мы понимаем, что эти промзоны сегодня существуют исключительно ради прибыли и ради грязи, но не ради чего-то еще. Децентрализация, о которой я говорю, со всей достойной жизнью и зрелой ответственностью, которую она принесет, возможна только как предварительное выражение грядущего равенства – и достижима полностью она станет лишь тогда, когда станет реальностью это равенство. Равенство – вот наш идеал.

Когда некоторые социалисты не ставят этот идеал во главу угла, я могу объяснить этот казус разве что тем, что их рвение в достижении средств ослепляет их по отношению к цели. Но ведь существуют лишь две теории общества: рабство – с одной стороны, равенство – с другой. Первая предполагает, что надо использовать естественные различия в способностях, чтобы взрастить класс «высших», живущих за счет недостатка и несчастья «низших». Вторая утверждает: даже если ты воспитал самого сильного, он вовсе не обязательно лучший, а просто наиболее приспособленный к созданным тобой условиям. Сколько потенциально более достойных ты, может быть, втоптал в ничто своим угнетением и властной глупостью? Дай человеку все необходимое – и то, что в нем есть, раскроется на пользу и вам, и ему.

УИЛЬЯМ МОРРИС

КАК МЫ БУДЕМ
ЖИТЬ – ТОГДА?

Допустим, товары и правда можно производить дешевле, если максимально сконцентрировать труд и материалы. Но, когда «меч дешевизны» больше не будет нужен как оружие против других наций, мы осознаем, что дешевизна бывает слишком дорогой: ад – это слишком высокая цена.

Так говорит коммунизм³⁵. И если вам хочется этому возразить, то вы говорите: «Я намерен владеть этим человеком, и все, что он делает, принадлежит мне. Если он производит меньше, чем нужно на жизнь, он бесполезен, и я убью его, как убиваю старую клячу». Любая промежуточная позиция между этими двумя теориями, мне кажется, объясняется лишь так: сторонники отмены рабства подкупают рабовладельца, чтобы тот помалкивал, пока не ослабеет настолько, что у него можно будет отнять раба и освободить. Как переходный шаг эта риторика имеет право на жизнь, но как идеал – нет: она очевидно

35 Издатель рукописи 1971 года отмечает, что Моррис был «единственным социалистом своего периода в Англии, который явно выражал марксистскую теорию двух последовательных стадий социализма и коммунизма, где первая была лишь переходом» и связывает такую теоретическую позицию Морриса с его личным знакомством с Фридрихом Энгельсом.

нелогична и неполна. Для меня единственный рациональный идеал устройства жизни в постмонополистическом обществе – это удовлетворение нужд каждого человека в обмен на применение его способностей на благо всех. Это и есть практическое равенство. Удовлетворив нужды человека, что ты еще можешь для него сделать?

Хорошо, вы спросите, а какие у него нужды? Как же хорошо, что в такой аудитории мне не нужно ожидать обычных каверзных вопросов людей, которые, видимо, полагают, что мы, социалисты, никогда не задумывались ни о каких трудностях, которые возникают в чем-либо уме при таком разговоре. Однако, если кто-то здесь думает, что один полезный человек должен иметь (обязательно) иную шкалу средств к существованию, чем другой полезный человек, я отвечу вам следующими двумя тезисами, которые пришли мне в голову (и, весьма вероятно, вам тоже).

Первое. Представьте себе бедное сообщество, которое могло бы удовлетворить средние элементарные потребности каждого человека в еде и жилье, но не могло бы сделать ничего сверх этого; сочли бы вы правильным (или идеальным, скажем так) для так называемого более полезного человека иметь что-то, кроме этого минимума, за его превосходство? Если бы он так поступал, не обрекал ли бы он других на лишения, ведь у них было бы настолько же меньше предметов первой необходимости, насколько больше у него? Не были бы они тогда [по сути] его рабами независимо от типа принуждения, который он использовал? Ведь [члены этого сообщества] явно не позволили бы подобного без принуждения. Пойдем дальше и предположим, что у нас есть сообщество, более богатое, даже довольно богатое. Но [в нем] все еще, несомненно, есть некий достойный уровень жизни, досуга и удовольствий, который может поддерживаться для его членов в целом. Так почему же они должны быть лишены против своей воли того, что они могут сделать и чего они желают, того, что они могут иметь, если не вынуждены отказаться от этого? Либо у них есть больше, чем им нужно, и в этом случае лучше не производить так много; либо у них есть ровно столько, сколько им нужно, и в этом случае, если их принуждают отказаться от части этого, они не свободные люди.

Второе. Думаю, я вижу еще один недостаток такого подхода: предполагается, что потребности всех людей будут удовлетворены в соответствии с мерой общего богатства: что ж, потребности «лучшего» человека также будут удовлетворены; и [встает вопрос], что еще вы можете сделать для него, кроме удовлетворения его истинных потребностей. По-моему, в самом лучшем случае он будет использовать свой сверхдоход просто для того, чтобы окружить себя дополнительной рос-

кошью, и результатом этого опять станет создание нового паразитического и лакейского класса, который, несомненно, будет причинять вред сообществу. Короче говоря, я не могу придумать никакой особой награды, которую вы могли бы дать особо одаренному человеку, кроме как разрешение причинять вред своим согражданам за то, что он оказал им особую услугу, – и это представляется довольно странным.

Наконец, помните, что, когда у человека есть особый талант, сама его реализация для него – удовольствие, от которого он не откажется, даже если способен; поэтому, хотя, с одной стороны, несправедливо и несоциально заставлять граждан отказываться от своих обычных преимуществ ради пропитания матки улья, с другой стороны, сама природа не принуждает их [это делать]. Что бы внутри человека такое ни было, он отдаст это добровольно, если предоставить ему свободу и надлежащие возможности для осуществления его способностей. То есть непрекариатные³⁶ стабильные средства к существованию с досугом и удовольствием в соответствии с его желаниями, а также свободное использование сырья и орудий труда.

Есть и другие детали, которые я вижу относительно того, как мы будем жить тогда, и я полагаю, что вы тоже их видите: великолепие общественной и тихое достоинство частной жизни, да и вообще все подлинные удовольствия, что придут от того, что мы стали состоятельны, хотя и не богаты³⁷; и из всех этих удовольствий величайшим *сейчас* кажется негативное, то есть облегчение от того, что мы больше не живем в одном из противоборствующих лагерей врагов, которые, несомненно, должны однажды обрушиться друг на друга, разрушив в этом процессе многие надежды и многие спокойные жизни; и все это, пока мораль пребывает в безнадежном ступоре, а пессимизм растет день ото дня, когда нам трудно понять, что означают вообще «порок» и «добродетель» – настолько коллективное преступление классовой несправедливости затмевает и подавляет все остальное.

Конечно, я не претендую на то, чтобы дать вам всеобъемлющий отчет в деталях о том, каков наш идеал нового мира; но поскольку я чувствую, что моя предыдущая речь была несколько разрозненной, то еще раз очень кратко пробежусь по пунктам, относительно которых я могу расходиться с некоторыми из присутствующих.

Первое. Переход от Монополии к Свободе – когда он будет завершен, мы окажемся в новом мире, и это будет самым

УИЛЬЯМ МОРРИС

КАК МЫ БУДЕМ
ЖИТЬ – ТОГДА?

36 Интересно, что Моррис действительно использует именно это понятие, хотя его обычно принято считать новообразованием капиталистического реализма XXI века.

37 Моррис противопоставляет здесь *wealth* как благосостояние в целом более конкретному капиталистическому *rich*.

значительным изменением, которое когда-либо происходило в истории.

Второе. По-видимому, нам придется отказаться от многого из [плодов] того, что мы привыкли называть материальным прогрессом, чтобы стать свободнее, счастливее и равноправнее.

Третье. [Этот отказ] будет компенсирован тем, что мы (а) начнем испытывать удовольствие и интерес ко всем аспектам жизни и (б) вновь обретем удовольствие от зрения³⁸, большую часть которого мы уже утратили и теряем все больше с каждым днем.

Четвертое. Вместо того, чтобы обязательно и невыносимо трудиться на какую-то слепую силу, мы должны сознавать, что делаем полезную работу для наших соседей, а они делают то же самое для нас. В результате не будет напрасной траты труда, так как не останется вскоре никаких бесполезных занятий.

Пятое. Работа, которая очевидно полезна и соответствует способностям работника, в основном будет приятным упражнением для его способностей; неизбежная и нудная работа будет выполняться машинами или короткими периодами [с перерывом на другие занятия]: больше никто не будет обречен заниматься неприятным делом всю свою жизнь.

Шестое. Не будет требоваться никаких стимулов к труду, кроме его очевидной необходимости и удовольствия, связанного с ним. А так как разделение труда на более или менее «достойную» работу влечет за собой [появление] различных стандартов жизни, создание новых классов, закрепощение обычного человека и порождение паразитических групп, не будет никакой разницы в «компенсации за труд»³⁹ (я считаю эту формулировку намеренно вводящей в заблуждение и провоцирующей вопросы). Да, я понимаю, что это подразумевает отмену частной собственности.

Седьмое. Нации как соперничающие корпорации должны прекратить существовать⁴⁰, централизация в текущем смысле слова должна стать федерацией, отвечающей целям малых единиц самоуправления, чтобы как можно больше людей могли быть заинтересованы и принимать реальное участие в общественных делах.

38 Ср. ранее в тексте «у нас в голове есть глаза... в то время как цивилизация велит нам засунуть очи в карман» (с. 170).

39 «The Reward Of Labour» – также название памфлета Морриса 1887 года, написанного в стиле риторического диалога. Он заканчивается фразой «Общество должно означать что-то иное, чем организованную несправедливость; где-то должны быть зародыши общества, о котором никто не задал вопроса: “Почему это вообще существует?”» (www.marxists.org/archive/morris/works/1887/commonweal/05-reward-labour.htm).

40 Этот тезис возможно также прочесть как призыв к уничтожению государств в принципе. Подобные выступления, а может, даже и это конкретное, заставили ряд слушателей заподозрить Морриса в анархизме – и уже через два месяца, в мае 1889 года, ему пришлось оправдываться и пояснять свою точку зрения в открытом письме «Socialism and Anarchism», где Моррис называет себя уже не социалистом, а коммунистом (www.marxists.org/archive/morris/works/1889/sa/sa.htm).

Я верю, что подобный идеал будет реализован, и я искренне надеюсь, что это правда произойдет. Они говорили нам⁴¹, что логически по мере развития изобретательности человека он постепенно лишается своих [когда-то необходимых] телесных навыков; ну что ж, может быть, – правда «логичность» событий иногда прерывается и отбрасывается в сторону историчностью.

И я надеюсь теперь, когда мы знаем или по крайней мере нам сказали, что мы произошли от неразумных микробов (или как там это называется), мы найдем в себе силы сознательно сопротивляться обратному процессу [превращения в этих микробов], который кто-то уже принял как неизбежность, что мы сделаем все возможное, чтобы остаться людьми, даже если по итогам этой борьбы мы станем варварами; эта последняя перспектива, если честно, не кажется мне такой уж страшной.

УИЛЬЯМ МОРРИС

КАК МЫ БУДЕМ
ЖИТЬ – ТОГДА?

Перевод с английского и комментарии Андрея Гелианова

41 Моррис иронизирует над популярной в то время теорией эволюционизма Герберта Спенсера, согласно которой по мере прогресса человек неизбежно «утончается», переходит от мускульной силы к использованию интеллекта и все больше зависит от техники и социальных институтов. Моррис справедливо видел в этой концепции оправдание *status quo* капиталистического индустриального общества. Через два года он напишет роман-утопию «News from Nowhere» (1890), в мире которого человек живет как цельное существо – развитое и телом, и разумом, и чувствами. Можно рассматривать этот роман как новеллизацию идей, высказанных в «How Shall We Live Then?».